

отличие от классификации козлов с хронологическими наметками, при анализе изображений быков и людей выявляется то обстоятельство, что развитие стилей не было лишь перманентно-искусствоведческим или лишь хронологическим явлением. Этот длительный процесс был обусловлен не только функциональным значением изображаемого, компо-

зиционным его подчинением, но и религиозно-культовой или социальной ролью, приписываемой той или иной фигуре в данной ситуации. Эта сторона стилистического рисунка не идет к оформлению особых пиктографических знаков, которые уже в несколько поздний период очень четко разграничиваются по смысловой нагрузке.

ГЛАВА ВТОРАЯ ВОПРОС ДАТИРОВКИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Значение технико-стилистического разбора для классификации материала очевидно. Однако считать ее установленной лишь на основе какого бы то ни было технико-стилистического или типологического анализа невозможно. Нужны более радикальные данные, подтверждающие хронологическую последовательность различных типов и стилей, эволюционное изменение в технике изображений. В ходе работы экспедиции были получены и такие данные.

К счастью, в древности применялась практика вторичного использования поверхности одного и того же камня для нанесения новых рисунков в случае стертости, плохой сохранности или же исчезновения более древних изображений, а также в тех случаях, когда рисовальщик без особых усилий, с помощью остроумных добавлений к старым рисункам добивался создания новых, более сложных и интересных композиций. В Гегамских горах много таких изображений, которые были созданы, к примеру, в V тыс. до н. э. и дополнены во II или начале I тыс. до н. э., или же в пределах того же самого тысячелетия. Однако для классификации материала особенно ценны те из памятников, на которых нанесение новых слоев производилось в правильной хронологической последовательности: когда нижний слой рисунка, отличающийся древними стилистическими особенностями, покрывался изображениями непосредственно последующей стилистической и хронологической группы, например, изображения IV тыс. до н. э. покрывались слоем III тыс. до н. э., слой III тыс. до н. э. — II тыс. до н. э. и т. д. Такие изображения играют роль вполне обоснованных внутренних стратиграфических единиц и окончательно убеждают в правильности классификации материала. Приведем два-три примера.

Рис. 16. В одном из ранних изображений (V—IV тыс. до н. э.) Большого Пайтасара на древней, хорошо сохранившейся композиции, состоящей из очень крупных фигур козла стиля А, дикого быка и охотничьего бога, в III

тыс. до н. э. добавлены миниатюрные, тонкие линии, а в свободных участках и полные фигуры, с целью создания новой охотничьей сцены. Два рисунка козла стиля А₁ получены путем добавления к корпусу древних фигур рогов, ножек, морды, хвоста. Третья фигура козла высечена на свободном участке целиком. Между животными и под ними выведены совсем миниатюрные пиктографические фигуры людей — крестовидных или же стержневидных (корпус), с расщепленными внизу (ноги) или наверху (руки) концами. Под древним изображением дикого быка выведена фигура охотника, которая, в отличие от других, имеет расщепленные нижние концы (ноги), крестообразную черточку наверху (руки) и лук со стрелой. На других изображениях V—IV тыс. до н. э. также наблюдаются многочисленные добавления, но они относятся к более поздним периодам.

Рис. 18. В другом случае над почти исчезнувшими двумя крупными фигурами безоарового козла (III тыс. до н. э. стиль А₁) высечена прекрасная композиция охотничьей сцены, из-под которой едва выглядывают верхние части сильных рогов древних фигур. Новая композиция высечена во второй половине II тыс. до н. э.; в ней ряженный, вооруженный луком охотник со своей собакой преследует маленькое стадо очень красивых оленей.

Рис. 19. На одной большой, вертикально стоящей глыбе рисовальщик вывел (III тыс. до н. э.) крупную фигуру безоарового козла, которая со временем стерлась. Но, по-видимому, в середине II тыс. до н. э. она еще читалась. Поэтому новые художники вокруг этой фигуры добавили уже в новом стиле изображения оленя, быка и льва.

Рис. 20. Наконец, в окрестностях Зиарата имеются изображения, сделанные примерно в середине II тыс. до н. э. и дополненные в начале I тыс. до н. э. В одном случае охотничья сцена создана на основе единственной, древней, вполне законченной фигуры безоарового козла. На эту фигуру впоследствии был нанесен новый козел, выполненный только линей-

ной техникой; добавлены снизу лук, стрела и сеть (тоже в линейной технике) и, наконец, пущена стрела сзади так, что она задевает обе фигуры.

К сожалению, наскальные изображения Гегамских гор не связаны с культурными слоями каких-либо поселений, могущих быть датированными с помощью эталонных изделий хронологического характера. Это обстоятельство вынуждает обращаться к методу комплексной сравнительной хронологии памятников.

Рассмотрим теперь памятники Гегамских гор в их сравнительной хронологической оценке.

ГРУППА ИЗОБРАЖЕНИЙ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА—ЭНЕОЛИТА (V—IV тыс. до н. э.)

Древнейшая группа изображений Большого Пайтасара находится на восточном склоне вершины напротив Знарата, на берегу речки Махмар. С точки зрения хронологии в этой группе представляют большой интерес очень крупные, красивые композиции, составленные с помощью фигур охотничьих богов—покровителей животных, богов солнца, грома и молнии. Антропоморфные боги солнца, грома и молнии, сопровождаемые знаками свастики и изображениями козлов стиля А, выступают здесь иногда целыми семьями (табл. 78, рис. 3). Они отличаются мощностью деталей корпуса, сильными руками, ногами, оканчивающимися, как правило, крупными длинными лучевидными пальцами. Руки всегда подняты к небу (табл. 67, рис. 2). Иногда корпус и другие части фигур составлены из лучевидных штрихов, напоминая явление сияния (рис. 24, табл. 67, рис. 1).

Эти изображения имеют достаточно убедительные аналогии среди материалов таких раннеземледельческих—скотоводческих поселений позднего неолита или энеолита, которые непосредственно связаны с Армянским нагорьем географически, либо входили в ареал его древней культуры. Одним из таких поселений является Имирис-Гора, на северной черте современной Армянской ССР, входивший в древности в единый южный кавказский ареал неолита. В 4—I горизонтах этого поселения, среди материалов, имеющих аналогии в синхронных памятниках Араратской долины, была обнаружена полусферическая грубая чашечка, на борту которой имеется нарисованная антропоморфная фигура. Стоячей позой, прямым стержнем корпуса, воздетыми к небу руками, круглой головой она не отличается от наскальных. Нижняя часть, к сожалению, повреждена. Характерно, что в указанных слоях имеются и скульптуры женских

божеств, сопровождающие своих мужских напарников как и в рассмотренных петроглифах Гегамских гор.

Горизонты 4—I Имирис-Горы датированы радио-углеродным методом 4350 ± 120 гг. и дают некоторое представление о нижнем хронологическом рубеже древнейшей группы рассматриваемых изображений.

Вторым памятником, имеющим значение для их датировки, является Яник-Тепе, в районе оз. Урмия, с древнейших времен тесно связанного с Арменией. Верхний слой этого памятника покрыт поселением пришельцев из Армянского нагорья (III тыс. до н. э.), нижний—представляет энеолитическое поселение, входящее в ареал памятников типа Хасанлу. Вот в этом нижнем слое, среди образцов расписной керамики, обнаружен фрагмент полусферической чаши, на которой росписью выведена та же антропоморфная божественная фигура с прямым спинным хребтом, поднятыми вверх руками и лучевидными пальцами, с маской на лице. Над фигурой выведены треугольные шевроны («верхнее небо»), а перед нею—вертикальная, волнистая или змеевидная фигура—символ грома-молнии или небесной воды.

Соответствующие горизонты Яник-Тепе, по аналогии с памятниками определенной группы Хасанлу, приписываются к середине IV тыс. до н. э. и указывают, в какой-то мере, на высший хронологический рубеж древней группы изображений Гегамских гор.

Таким образом, рассматриваемые древнейшие петроглифы могут быть отнесены к какому-то отрезкам времени V—IV тыс. до н. э.

Эта хронологическая выкладка подтверждается еще одним обстоятельством. На участке указанных петроглифов сотрудником экспедиции Р. М. Торосьяном были собраны обсидиановые обломки ножевидных орудий с необработанными или отретушированными краями, бесформенные, треугольные, прямоугольные, остроконечные, боковые скребки с двусторонней обработкой и другие изделия (табл. V). Они имеют тончайшие соответствия среди инвентарей неолит-энеолитического возраста поселений Араратской равнины (Хатунарх, Техут), в слоях упомянутого выше Имирис-Гора, на Чатал-Уйюке, Джармо, Мерсине и в ряде других переднеазиатских памятников, которые вмещаются в пределы VI—IV тыс. до н. э.

Наконец, есть еще одно подтверждение. Это то, что в Армянском нагорье, в переднеазиатских районах, окружающих Армянское нагорье или имевших в древности близкое соприкосновение, обнаружены аналогичные петроглифы неолит-энеолитического возраста. К ним, по мнению специалистов, относятся изображения Аднамана и Ванского района, Демир-капе и Дельбаба, часть которых доходит до прибрежных районов Сиро-Палестины.

ДРЕВНЕБРОНЗОВАЯ ГРУППА (III ТЫС. ДО Н. Э.)

В различных группах наскальных изображений Большого Пайтасара определенно отличаются памятники искусства III тыс. до н. э. Они выявляют ряд не свойственных для предыдущего периода характерных особенностей, которые продолжают развиваться в последующих этапах бронзы и в эпоху раннего железа. Прежде всего полностью исчезают изображения козлов стиля А, появляется рисунок стиля А₁, фигуры животных и людей, став вдвое, втрое или вчетверо меньше, приобретают более пропорциональные и динамичные формы, значительно усложняются композиции и, наконец, появляются сильно стилизованные изображения, в точности повторяющие орнаментацию чернолощеной керамики III тыс. до н. э. Декоративные мотивы этой керамики становятся точными хронологическими эталонами памятников наскального искусства означенного периода. Так, среди изображений козла, оленя и других животных, на одной из композиций (табл. 10, рис. 2) сразу бросаются в глаза фигуры, составленные из противоположенных треугольников стиля Б, имеющие близкие соответствия с тонколинейной, врезной орнаментацией сосудов Шенгавита и других синхронных ему памятников. В этих декорах керамики чрезвычайно важны фигуры животных смежных стилей, которые одинаково близки и к геометрическим, и к тригонометрическим рисункам наскальных изображений.

Для датировки наскальных изображений рассматриваемой группы эталонное значение имеют также стилизованные фигуры птиц, встречаемые только в памятниках изобразительного искусства III тыс. до н. э. Интересно в этом отношении наскальное изображение (табл. IV, рис. 7), где представлена сцена схватки мифической птицы со змеем.

Много характерных изображений III тыс. до н. э. обнаружено и в окрестностях Малого Пайтасара. Это памятники, великолепно иллюстрирующие полукочевой образ развития скотоводства, усиление охотничьего промысла, массовость транспортных средств и т. п. (табл. 1—4). Как и в первой группе, в них весьма часты треугольные фигуры животных, характерных элементов декорирования керамики (табл. 62, рис. 3) III тыс. до н. э.

Вышесказанное позволяет считать III тыс. до н. э. установленной датировкой определенной категории наскальных изображений. Последние археологические работы позволяют внести некоторые коррективы в эту общую установку. Речь идет о рисунках тригонометрического стиля, которые, как-будто, не переходят за рубеж I половины III тыс. до н. э. Об этом говорит анализ материалов многослойного Пулурского поселения, раскопанного

в последние годы на равнине Харберда, в Западной Армении.

По ряду типологических признаков предметы искусства и материального производства (глиняные очаги, статуэтки, декор керамики, расписная керамика, женские статуэтки и т. д.) тесно связываются с памятниками Восточной Армении. Среди этих материалов наибольший интерес для нас представляют обнаруженные в горизонтах 7—8 расписные сосуды, один из которых украшен красными фигурами птиц, а другой—красными фигурами козлов. Последние, так же как и наши тригонометрические изображения, имеют корпус, состоящий из двух треугольников, заполненных косыми линиями; дугообразно нависающие над корпусом рога, также заполненные косыми линиями, и рудиментарные конечности. Восьмой горизонт Пулура датирован при помощи радиоуглеродного метода 2420 ± 200 (2470 г), изображения же означенного стиля не встречаются ниже восьмого горизонта. По-видимому, они более характерны для второй половины III тыс. до н. э., и этот хронологический рубеж является общим также для наскальных изображений. Иной хронологический оттенок имеют стилизованные фигуры козлов в виде прямоугольников с вогнутыми сторонами. Подобные изображения (табл. 20, рис. 1; табл. 29; табл. 68, рис. 2; табл. 69), мало характерные для культуры III тыс. до н. э., морфологически тяготеют к черным тригонометрическим фигурам расписной керамики начала II тыс. до н. э. Однако, в отличие от последних, на них сохранились рудиментарные конечности, отсутствующие в фигурах расписной керамики.

Наскальные изображения козлов стиля Г, по всей вероятности, следует отнести к последней четверти III тыс. до н. э.

ГРУППА ИЗОБРАЖЕНИЙ I ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н. Э.

Среди изображений Большого и Малого Пайтасара можно четко выделить петроглифы, принадлежащие первой половине I тыс. до н. э. К означенному периоду отнесено несколько десятков композиций, на основании определенных иконографических и стилистических особенностей. В этой группе совершенно отсутствуют геометрические и тригонометрические фигуры козлов стилей А, А₁, Б и В (если это не нероглифы). Рисунки животных приобретают продолговатую форму с вогнутой или выпуклой линией спины. Шея и голова отделяются от туловища, рога выпрямляются, в отличие от традиционного полукруга; сравнительно более часто встречаются в композициях олени с большим охватом рогов, птицы и длиннотелые собаки, с загнутым хвостом, повторяющие декоры расписной керамики первой половины II тыс. до н. э. Олс-

ни, козлы и собаки этой группы соответствуют изображениям животных на расписном сосуде из села Н. Геташен Мартунийского района, представленных в тождественной композиции. Этот тип расписной керамики датируется XVIII—XVII вв. до н. э. (табл. VI).

Одна из хронологических особенностей наскальных изображений первой половины II тыс. до н. э.—полное исчезновение в них канонических изображений птиц III тыс. до н. э. с корпусом остроугольной или равнобедренной треугольной формы. Изображения птиц не совсем изменены, однако треугольник сильно уплощается, выгибаясь в основании (в области живота). Голова и шея сильно приближаются к натуре, ноги подобраны или согнуты под животом, иногда целиком свисают в воздухе, фигуры имеют вид водоплавающих птиц—утки или гуся,—изображениями которых изобилует расписная керамика среднебронзового века. Как в наскальных рисунках, так и в декоре расписной керамики эти птицы изображены на «небосводе» в сопровождении геометрических символов небесных тел. Среди наскальных изображений птиц II тыс. до н. э. есть очень красивые—со свисающими ногами и характерной перепончатой лапой, весьма сходные с встречающимися иногда на вищапах красными, продолговатыми фигурками (табл. VII, рис. 2, 3, 6). Вообще изображения птиц II тыс. до н. э. либо мало стилизованные, либо полностью лишены стилизации.

Рисунки этого периода имеют еще одну сферу сопоставления. Речь идет о типе культового изображения быка, в определенной степени стилизованном, очень характерном для Гегамских гор и встречающемся в относительно небольшом хронологическом отрезке. Эта группа изображений характеризуется обобщенным, желобчатым контуром туловища и обособленно выделенным, сильно стилизованным рисунком головы, с подчеркнутыми деталями лба, морды, ушей, крупных глаз и рта, из которого иногда льются струи воды (табл. VII, рис. 1, 4, 5; табл. X, рис. 6).

ГРУППА ИЗОБРАЖЕНИЙ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ПЕРИОДА (КОНЕЦ XIV—X ВВ. ДО Н. Э.)

Изображения позднебронзового периода в Гегамских горах составляют группы, четко выделяющиеся с хронологической точки зрения. Они имеют ряд других иконографических, стилистических, композиционных черт, общих и для статуэток Лчашена, Толорса и Артника, и для врезных орнаментов керамики, и для сюжетов бронзовых поясов из различных памятников Советской Армении, Карабаха и Гетабека. Особенно резко в этих группах бросаются в глаза контурные фигуры «грузных» охотников—ряженных и в масках; боль-

шие и малые, простые и сложные луки; расположение фигур в нескольких вертикальных рядах; строго стилизованные формы, пластичные рисунки фантастических когтистых леопардов и гепардов; изображения солнца, луны, богов грома и молнии, сложные сцены охоты и т. д. и т. п. Хронологические оттенки, наблюдаемые в сценах охоты на козлов, подтверждаются и при рассмотрении целого ряда материалов, относящихся к охоте на оленей. Здесь охотятся при помощи лука и стрел (табл. 40, рис. 2), веревок, или просто голыми руками, окружая маленькое стадо со всех сторон. Фигурирует тот же сложный лук и стрела с треугольным наконечником (рис. 10, 11, 12), характерные для конца II—начала I тыс. до н. э. Изображения оленей делятся по стилизации рогов на два определенных типа, которые свойственны также резным рисункам аналогичных животных на памятниках прикладного искусства указанного периода. Для обоих стилей характерно изображение одностороннего ответвления рогов, с той разницей, что в одном случае ответвления загнуты в верхней части (табл. 54; табл. 55, рис. 1) в другом—прямые и косо поставлены (табл. 55, рис. 2). По всем своим деталям они повторяют фигуры бронзового пояса Ноемберянского могильника. Судя по отдельным орнаментам, на этом поясе были изображены сцены охоты. Сохранился также большой сложный фигурный лук и стрела с треугольным наконечником, вместе с правой рукой и верхней частью корпуса охотника. Та же сцена с теми же охотниками повторяется и на бронзовом поясе (изданном А. А. Ивановским), также происходящем из территории исторической Армении. Общность наскальных изображений с поясами эпохи поздней бронзы настолько велика и значительна, что остается предположить, что резчиками по камню были те же мастера—металлурги. Такое предположение подтверждается многочисленными повторами однотипных изображений, в которых чувствуется рука одного и того же мастера. Таков, например, рис. 2, табл. 55. На нем, как и на рис. 14, табл. IV, и табл. 54, в точности повторяются олени, расположенные в два ряда, и человек, протягивающий руки к морде одного из животных. Выше рогов животных имеется иероглифический знак. С точки зрения композиции и стиля эти олени очень сходны с бронзовыми миниатюрными статуэтками из Лцена, датирующимися XI—X вв. до н. э.

ГРУППА ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (КОНЕЦ II—НАЧАЛО I ТЫС. ДО Н. Э.)

Изображения, высеченные на боковых плитах кромехов Шамирама, в сопоставлении с наскальными рисунками Большого Пайтасара позволяют выделить наиболее поздние

петроглифы, которые датируются раннежелезным веком. Приведем несколько примеров: на плитах Шамирамского кромлеха № 4 высечено 22 кружочка, несколько барельефных фигур животных, солнечный диск, составленный из концентрических кружков и, связанная с ними, сильно стилизованная человеческая фигура (табл. VIII, рис. 3). На лицевой стороне одного из камней кромлеха № 2 та же человеческая фигура помещена между солнечным диском и животным (табл. VIII, рис. 10). Одно из наскальных изображений Большого Пайтасара в точности копирует описанный выше барельеф, с иконографической, стилистической и семантической точек зрения. На нем высечены крупные спирали, кружки, полумесяцы и большая человеческая фигура, целиком повторяющая фигуры из композиций Шамирама.

Составленные из концентрических кружков солнечные диски и сильно стилизованные человеческие фигуры «Шамирамского типа» встречаются и среди иных изображений Гегамских гор (табл. VIII, рис. 8—9). Однако наибольший интерес для наших сопоставлений представляют три рисунка Большого Пайтасара, относящиеся к эпохе ранней и средней бронзы, на которых металлическим орудием высечены штриховые изображения людей и животных в эпоху широкого освоения железа. На одном из них к рогам козла, более древнего изображения добавлены горизонтальные линии, и животное превращено в оленя. Выведением еще одной маленькой человеческой фигуры создана простая сцена охоты (табл. IV, рис. 2). У левой кромки камня, независимо от описанной композиции, добавлены еще три фигуры, относящиеся ко II тыс. до н. э.

Второе изображение относится ко второму тысячелетию и представляет собой весьма интересную сцену охоты с участием загнанных животных, пяти охотников и собак. В компо-

зиции имеются и иероглифические знаки. В верхней части «полотна» добавлены человеческие фигуры «шамирамского типа», и минимально, скупыми «корректурами» древних фигур также получены новые рисунки козлов. На третьем изображении (III тыс. до н. э.) металлическим орудием выведены штриховые рисунки козлов (табл. VIII, рис. 15), вполне сходных с шамирамскими. В некоторых других случаях мы находим полное стилистическое, техническое и композиционное повторение наскальных изображений Большого Пайтасара и барельефов Шамирама (ср. табл. VIII, рис. 10, 13, 14, 15). И здесь, и там полностью выступают комплексы дисковидных кружочков, выведенных на поверхности камней, а также горизонтальные ряды трех-четырех животных.

Сопоставление памятников искусства Шамирама и Большого Пайтасара не оставляет сомнений в аналогичности и закономерности отнесения их к эпохе широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.).

Как видно по описанию, искусство наскального рисунка в означенный период постепенно изживает себя и вскоре перестает существовать.

Хронологический анализ памятников Гегамских гор показывает, что наскальное искусство Армении процветало в течение, по меньшей мере, пяти тысяч лет—от позднегоолитического (V тыс. до н. э.) времени, до периода раннеармянской культуры. В этом длительном промежутке времени от первобытности до раннего государственного периода, удалось выделить группы изображений, принадлежащих к эпохе неолит-энеолита (V—IV тыс. до н. э.), ранней бронзы (III тыс. до н. э.), средней бронзы (первая половина II тыс. до н. э.) и поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.), так же как и раннего железа (первая половина I тыс. до н. э.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЮЖЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОХОТНИЧЬИХ СЦЕН

Сюжетное содержание материалов имеет первостепенное значение в интерпретации смысловой нагрузки всего искусства наскального рисунка.

Для понимания его следует учесть прежде всего то обстоятельство, что рисунки делались в целях возвратной симпатической магии. Творцы их верили, что изображая желаемое в рисунке, в танце, в мыслях, в слове, они могут достичь успеха в действительности, при этом веря прежде всего в магическую силу

слова, рисунка и письма. Поэтому рисунки, иероглифы, как и знаки алфавитного письма, считались священными.

Рисунки наших отдаленных предков охватывают все стороны первобытной жизни: прежде всего производственную сферу деятельности—скотоводство и охоту, а также все остальное—производное.

Богатейшие альпийские луга Гегамских гор являлись мощной базой для развития животноводства и охотничьего промысла. Имен-